

УДК 330.101

DOI: 10.26456/2219-1453/2022.4.016–027

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ: К НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА¹

В.П. Фёдоров

МГИМО (Университет), г. Москва

В статье рассмотрена перспектива методологического обновления экономической теории на основе комплексной инвентаризации исторического диалога между экономистами и философами, реконструкции философских оснований экономических доктрин и школ экономической мысли. Автор предлагает подойти к обновлению экономического теоретического знания в России с его философских оснований, полагая, что только в этом случае мы получим шанс не попасть в «колею» вторичного пересказа уже отшумевших на Западе дискуссий, а, напротив, предложить оригинальную концепцию с надеждой на формирование новой парадигмы экономической теории, потребность в которой настоятельно ощущается в Российской Федерации.

Ключевые слова: философия, методология, феноменология, модальность, стимул.

Ситуация с развитием экономической теории в России сегодня характеризуется мощным потоком деклараций, настаивающих на безусловной необходимости отказа от некритического следования в фарватере *mainstream*'а экономической теории и поиска своего оригинального пути [4]. Объективной основой этого критического настроения является сравнение результатов и издержек реформ, которые осуществлялись в России по лекалам Вашингтонского консенсуса и в Китае на основе оригинальной концепции реформ с национальной спецификой [30].

При этом, естественно, вариация предлагаемых программ теоретических инноваций достаточно широка. Здесь и агитация за привлекательность для нас новой институциональной теории [25], и пропаганда идеи пост-марксистского синтеза [21], и выдвижение идеи качественно новой системы отношений – ноономики [3], и гипотеза модального расширения предмета экономической теории [23]. Все эти идеи представляют научный интерес. Но, думается, особый смысл

¹ "Подготовлено по материалам доклада на II Международной научной конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве» 26–27 октября 2022"

имеет критический анализ философских оснований экономической теории, анализ тех «краеугольных камней», которые формируют ещё абстрактный, но принципиально важный фундамент экономического знания, тех базисных предпосылок, которые определяют гносеологический потенциал и «архитектурную» стройность теоретических построений.

Так исторически сложилось, что экономисты никогда особенно не жаловали философов и философию. Экономическая теория, родившаяся в период доминирования критического эмпиризма (Шотландия) и сенсуализма (Франция) и взявшая за основу философски «одномерные» концепты общественного договора и частного эгоистического интереса, достаточно скоро встала в оппозицию классической немецкой философии. Шотландская моральная философия и философические эссе энциклопедистов казались пионерам политической экономии необходимыми и достаточными основаниями экономического теоретизирования. Более глубокая и фундаментальная немецкая философия рассматривалась ими как источник умозрительной метафизики, как «троянский конь» религиозной схоластики, которую они – не всегда публично афишируя – всеми силами изгоняли из науки.

Принципиально важный фрагмент этой борьбы – заочная полемика между Дэвидом Юмом и Иммануилом Кантом. Её реальный смысл состоял в определении источников морали, а в более широком контексте – мотивации человека вообще. Юм настаивал на исключительно эмпирических, естественных, опытных истоках морали, предостерегая от некритического перехода в риторике от того, что «есть» к суждениям о том, что «должно быть». Кант же, очень эмоционально характеризуя эту систему взглядов как скандал в философии, настаивал на дуализме естественного и нравственного закона (и априоризме последнего), маркируя нравственные нормы как долженствование. Как это не удивительно, но этот давний заочный спор эпохи Просвещения до сих пор многократно повторенным эхом звучит в храме экономической науки.

Долженствование до сих пор ютится «пасынком» у экономистов. Со временем достаточно мягкие и аккуратные исходные суждения шотландского философа отлились у экономистов в жесткую, отсекающую все нюансы модальности метафору «*гильотины Юма*» – о якобы санкционированном его авторитетом запрете на суждения о должном в рамках настоящей науки. В этой же логике Уильям Нассау Сениор в 1827 г. сформулировал идею о дихотомии экономической науки и искусства управления [36]. А в конце XIX века Джон Невилл Кейнс, (допустив, на наш взгляд, серьёзную логическую ошибку [23, с. 50–53]) в своем оказавшемся весьма влиятельным труде «Предмет и метод политической экономии», закрепил выведение модальности долженствования за пределы предмета экономической теории.

Дихотомию экономической науки и искусства управления он без серьёзных доказательств отождествил с дихотомией сущего и должного, необоснованно сузив предмет науки исключительно до сферы сущего, выведя долженствование в предмет субъективно окрашенного искусства управления [8, с. 4–5].

Окончательно «отшлифовал» эту конструкцию Макс Вебер, выдвинув идею свободы от ценностных суждений (*Wertfreiheit*) как необходимую предпосылку истинно научного анализа [2, с. 197]. То, что вместе с идеологически окрашенными ценностными суждениями разного рода наблюдателей и социальных прожектеров были объявлены «персонами *non grata*» и ценности, которые являются стимулами реальных акторов экономической жизни и которые по определению не могут быть устранены из предмета экономической науки, станет ясно существенно позднее. А к началу XX века этими усилиями была «отлита в бронзе» концепция *позитивной экономической теории*, которая доминирует в науке до сих пор.

Только настоятельные нужды практики заставили экономистов весьма нехотя признать, что *нормы* неустранимы из описания экономики, что позитивность теории следует трактовать как ограниченную условность [38, с. 173], что в значительной степени она является только риторическим приемом [34, с. 320–517], что, наконец, экономисты должны разрабатывать открыто нормативные разделы своей теории, такие, как например, экономическая теория благосостояния [16]. Сегодняшнее официальное *status quo* в трактовке дихотомии должного и сущего состоит в признании наличия автономных позитивной и нормативной экономической теории с неизменным подчеркиванием, что именно позитивная экономическая теория является её ядром, ключевым элементом доминирующей парадигмы экономического знания.

Неудовлетворительность сложившегося *status quo* признается многими [15, с. 106–124]. Но при этом экономисты не спешат признать очевидное: диалектика должного и сущего – это философский вопрос, лежащий в основе их собственной дискуссии о соотношении позитивной и нормативной теорий. Ключ к решению одной из принципиальных методологических проблем экономической теории лежит за пределами экономики в сфере философского знания. И раз мы признаем, что надо исправлять давнюю логическую ошибку Невилла Кейнса, то было бы рационально проанализировать сегодняшний уровень её философской интерпретации.

Ключевая философская школа, которая была сфокусирована на этой проблеме – неокантианство. [13, с. 15–55]. Её расцвет пришелся на последнюю треть XIX и первую треть XX века. Специфической причиной возрождения интереса к философии Канта стали фундаментальные проблемы развития научного знания в эпоху после

промышленной революции, наметившийся рывок в развитии общественных и гуманитарных наук, поиск обоснования для различия методологии научного исследования в естественных науках и науках (как выражались в то время) о культуре. Естественно, что идеи дуализма законов и априоризма нравственного закона кёнигсбергского мудреца стали предметом разностороннего переосмысления. Категория «должного» не могла не стать одной из центральных тем этих философских исканий.

Что же экономисты? В целом они остались равнодушны к новому течению немецкой философии. Их вполне устраивала устоявшаяся догма, что политическая экономия это практически – с незначительными нюансами – аналог естественных наук, что целью исследования является открытие естественных экономических законов, которые понимались как *сущность* экономических отношений, т.е. как скрытые, неочевидные, но тем не менее причинно-следственные взаимосвязи сферы *сущего*. Концепт закона-тенденции Джона Стюарта Милля [24, с. 55–76] был каноном для экономистов XIX века, от которого они, несмотря на конфузы с якобы открытыми законами, которые на поверку оказывались либо фикцией, либо тавтологией, не хотели отказываться. Идеи немецких философов о принципиальной специфике общественных отношений, о роли норм (традиций, обычаев, правил) в формировании необходимости в обществе прошли в целом мимо их внимания. Принципиальная идея о специфике необходимости в обществе как того, что «должно» быть, а не того, что «есть», «висела в воздухе», но принципиально так и не была поставлена.

Экономическая теория в этот период переживала маргинальную революцию на базе возрождения утилитаризма [22, с. 67]. Утилитаризм и маржинализм на полвека стали восприниматься как «сиамские близнецы» обновленной науки, поспешившей сменить имя с *Political Economy* на *Economics*. Ключевой утилитарно-маргинальной категорией стало понятие предельной полезности, и научное очарование идей маржинализма было столь глубоко, что экономисты впали в иллюзию методологической самодостаточности и научного первенства среди общественных наук. Они стали углублять свою профессиональную «колею», утратив в известной степени интерес к горизонтам смежных наук – философии и психологии, социологии и политологии.

Специфика двух одновременных, но разнонаправленных научных инноваций очень выпукло проявилась в знаменитом споре о методах (*Methodenstreit*). На научном ристалище сошлись Карл Менгер, вдохновленный перспективами синтеза утилитаризма и маржинализма, и Густав Шмоллер, воодушевленный философской поддержкой его новой исторической школы неокантианцами. Сегодня этот спор – с легкой руки Йозефа Шумпетера – оценивается как в целом бесплодный,

не стоивший тех усилий и душевных сил, которые на него были потрачены [27, с. 1073]. Но, справедливости ради, скажем, что детальной научной реконструкции он не дождался. А две крупнейшие экономические научные школы XIX века остались каждая при своем мнении. Гипотетически можно представить дискуссию более толерантной и развернутой на взаимообогащение. Косвенным подтверждением этого потенциала могут служить понимающая социология Макса Вебера [5], социология знания Макса Шелера [26] и концепция ордо-либерального порядка Вальтера Ойкена [14], которые были выдвинуты позже, но корнями уходили в этот пресловутый спор двух великих экономистов.

В существенно большей степени внимание экономистов привлекло неогегельянство. Во-первых, потому что самой яркой его формой было учение Карла Маркса, который, переработав метод Гегеля в материалистическую диалектику, обрушился на официальную науку с уничтожительной критикой политической экономии и со всей прямотой поставил вопрос об исторических пределах капитализма. Во-вторых, потому что неогегельянцы-идеалисты в большинстве своем оказались англичанами, т.е. они писали на языке экономической науки и уже по этому обстоятельству могли привлечь к себе внимание экономистов, которые уже в XIX веке завели пагубную привычку игнорировать научную литературу на иных языках.

Нет смысла в подробном изложении обстоятельств восприятия марксизма официальной экономической наукой. Спектр реакций был самый широкий и меняющийся со временем. Игнорирование сменялось яркими образцами адресной полемики [1], но до социалистической революции в России, несмотря на практическую политическую активность и востребованность марксизма, отношение *mainstream*'а к нему было скорее пренебрежительное [9, с. 206]. И лишь возникновение в Советской России государства диктатуры пролетариата и ставшая реальностью практика функционирования декларативно нерыночной экономики заставили наиболее проникательных теоретиков спешно анализировать материализовавшуюся вчерашнюю ещё утопию [10].

Реакция на неогегельянство в собственном смысле слова оказалась более оперативной и, если угодно, более заинтересованной. Мода на Гегеля в Англии началась с публикации в 1865 г. книги Джеймса Стирлинга «Тайна Гегеля», которая существенно обновила традиционную философскую «диету» Туманного Альбиона [37]. Концепт абсолютного духа, определяющего неподвластную индивиду логику исторического процесса, как это не удивительно, предлагал английскому общественному мнению очень лестное и комплиментарное объяснение триумфа английской промышленной революции, и того цивилизационного «бремени», которое «взвалила» на себя Великобритания, строя невиданную в истории глобальную империю.

Мировое лидерство отлично сопрягалось с абсолютным духом, гораздо комфортнее, чем с тезисом о ненасытной алчности капиталистов.

Но присущая учению Гегеля тоталитарность, его апология государства как институционального воплощения абсолютного духа не могли одновременно не вызывать настороженности английских либералов и желания философского контрнаступления. Лидером противодействия неогегельянству в Англии стал профессор Кембриджа Джордж Эдвард Мур, который книгой «Принципы этики», с одной стороны, предпринял фундаментальную модернизацию утилитаризма, дополнив понятие полезности понятием добра, а с другой стороны, заложил основы нового принципиального поворота к аналитической философии [12]. И именно эта философская инновация в дальнейшем сыграет принципиальную роль в методологической перестройке *Economics*.

Неогегельянство в Англии достаточно быстро оказалось в «тени» Джорджа Мура, Бертрانا Рассела и раннего Людвиг Витгенштейна. Зато на континенте – усилиями в основном эмигрировавшего во Францию русского философа Александра Кожева (А.В. Кожевникова) – оно содержательно «проросло» в творчестве таких философских гениев как Сартр и Хайдеггер, масштаб которых не позволил аналитической философии окончательно «заслонить» и само неогегельянство. Поставленный Гегелем принципиальный вопрос об объективной логике исторического процесса – с абсолютным духом или без, с решающей ролью производительных сил (К. Маркс) или как-то иначе – остался с экономистами как вопрос логики развития экономических систем. И этот вопрос не снимают ни апология рынка и индивидуализма, ни идея принципиальной непредсказуемости будущего.

Неокантианство также не кануло окончательно в лету. Оно постепенно «угасало» не в силу исчерпания научного потенциала, а в результате политических катаклизмов, которые пережила Европа после Первой Мировой войны. Деградация в Веймарской республике уникальной имперской университетской системы, нацистские гонения (в том числе и антисемитские) на академические свободы после 1933 г. самым негативным образом повлияли на немецкую философию. Когда экономисты в бурлящие 20–30 гг. переживали кризис собственной методологии и были открыты философским инновациям, неокантианство как доминирующая научная школа уже сдавала позиции. В результате искания марбургских и баденских философов прошли мимо экономистов.

Таким образом, расцвет неокантианства и неогегельянства в философии и маргинальная революция в экономической теории пришлось на одно время, но оказались в интеллектуальной противофазе. Временная и ситуативная иллюзия методологического совершенства исключила заинтересованное внимание экономистов к

новым антипозитивистским направлениям в философии. Но это историческое обстоятельство не должно мешать нам, реконструировать потенциальный диалог и искать упущенные возможности.

Только после глобальной катастрофы Первой Мировой войны, социалистических революций и геополитической перестройки мира, только после пережитого мировоззренческого и научного кризиса лидеры *Economics* вновь вернулись к критическому пересмотру фундаментальных основ своей науки. Период между двумя мировыми войнами оказался для экономической теории временем метаний, сомнений, яростных споров и отчаянных попыток вернуть себе вдруг утраченный авторитет. Ещё вчера казавшееся неизблемым здание, которое венчали «Принципы экономической науки» Альфреда Маршалла [9], пошло трещинами и перестало вызывать безоговорочное доверие.

Сам факт становления реального социализма, абсолютно невозможный с точки зрения позитивной науки, заставил наконец всех прочесть «Капитал» Маркса, а в более широком смысле обратить внимание на потенциал глобального исторического прогнозирования гегельянства, вообще, и марксизма, в частности. Срачивание государства и монополий в рамках военной экономики заставил «переступить» через академически нейтральную дихотомию монополии и конкуренции А. Маршалла и предложить новаторские трактовки реальных рынков несовершенной и монополистической конкуренции [20, 31]. Выпукло проявившаяся нелинейность и вариативность развития заставила крепко усомниться в концепции объективного экономического закона как закона-тенденции и приступить к активному синтезу экономической науки и математической теории вероятности [32]. Конечно, нельзя забыть ключевой элемент кейнсианской революции: скепсис в отношении предустановленной и автоматической способности рынка восстанавливать равновесие как реакцию на любого масштаба события и потрясения. Тезис об ответственности государства за поддержание приемлемого уровня совокупного спроса как основы позитивных ожиданий всех акторов экономики именно в это время стал ключевой заповедью для экономистов.

За всеми этими тектоническими сдвигами в науке стояла принципиальная переоценка места субъекта и субъективности вообще. Апология рынка как таинственного и непостижимого демиурга, который своим масштабом, всеобщностью и всесилием ничтожит своих агентов, делает их индивидуальные усилия бесконечно малыми величинами, которыми можно пренебречь, неожиданно столкнулась с отрицающей её реальностью. Оказалось, что субъект субъекту рознь. Субъективные усилия могут не только поставить рынок под свой монополистический контроль, сделав совершенную конкуренцию несовершенной; они могут принципиально изменять длительность и амплитуду колебаний фаза цикла; восстанавливать и нарушать

равновесия; стимулировать и тормозить экономический рост; в предельной версии субъективные усилия могут фундаментально изменить всю институциональную структуру экономики, с экзистенциальными планами отрицания рынка вообще.

Неизбежный отказ от упования на «невидимую руку» рынка не мог быть простым, бесконфликтным и одномерным. Но за обилием индивидуальных версий и инициатив, выдвинутых в то время, всё-таки проглядывают два принципиальных вектора. Первый из них объединяет ученых, чьи усилия были направлены на субъективизацию теории. Прежде всего, следует отметить Людвиг фон Мизеса и всю новую австрийскую школу. Продолжая традиции Карла Менгера, они настаивали на своей версии видения маржинализма и экономических свобод (в пике теории общего равновесия Леона Вальраса) [11]. Но не стоит забывать и идеи Фрэнка Найта [33] и Лайонела Роббинса [19] выдвинутые в это время. Большой резонанс вызвали работы Йозефа Шумпетера [28], посвященные активной роли предпринимателя. И, конечно, целый пучок смелых новаций Мейнарда Кейнса со склонностями, ожиданиями и предпочтениями, которые он решительно внес в науку [7].

Это разнородное идейное течение сотрясало сами основы позитивной экономической теории, причем настолько сильно, что – как вскоре признается Поль Самуэльсон – это вызывало у него беспокойство о судьбе самой науки [35, с. 761]. Всех кто разделял это беспокойство можно отнести ко второму вектору трансформации. Они пошли по пути перестройки *Economics* в условно-аналитическую науку: если не автоматизм, то аналитическая оптимизация. По-викториански старомодный поиск объективных экономических законов был заменен доказательством условных теорем; дискуссия о нереалистичности предпосылок теории была закрыта «раз и навсегда» принятием концепции Карла Поппера о фальсификационизме; субъективная иррациональность была втиснута в прокрустово ложе нормализованного максимизатора полезности; совершенная конкуренция была принята в качестве вечного идеала. Карл Поппер, Джон Хикс и Пол Самуэльсон – вот «три богатыря», заслугам которых следует отнести эту перестройку *Economics* в условно-аналитическую науку, которая пошла по пути максимально возможных формализации и математизации. Этот этап развития экономической теории получил название *неоклассический синтез*.

Ключевую роль в победе неоклассического синтеза сыграл Карл Поппер. Важность его усилий состояла в том, что он работал с проблематикой философии науки, он предложил критически важную для экономистов интерпретацию логического позитивизма как наиболее популярной в 20–30 гг. версии аналитической философии. Критикуя философов Венского кружка, он сумел предложить экономистам целый

ряд идей, которыми они существенно обновили свой уже изрядно устаревший философский арсенал с доминирующим утилитаризмом. Кроме уже упоминавшейся концепции фальсификационизма [17] следует вспомнить его критику самой возможности постановки вопроса о логике исторического развития, которую он назвал историцизмом, а также, новые аргументы по апологии индивидуализма, которые он назвал критикой холизма [18]. Именно с помощью Поппера условно-аналитическая перестройка *Economics* приобрела и методологическую глубину, и философское обоснование.

А вот конкурирующее направление потенциальной перестройки *Economics* в большей степени занималось собственными импровизациями на философские темы, в результате чего их концепция оказалась излишне экзотической и в философском смысле дилетантской. Наиболее последовательно работавший в этом направлении Людвиг фон Мизес предложил «воскресить» идею априоризма, назвав свое оригинальное видение рыночной экономики *праксиологией* [11]. И если Поппер был весьма осведомлен о всех достижениях Морица Шлика, Бертрана Рассела и Людвиг Витгенштейна и работал, соответственно, на самом переднем краю философской науки, то Мизес не увидел современных ему достижений философии, которые предостерегли бы его от возвращения к архаике кантовского априоризма. И это весьма прискорбно, ибо как раз в это время на вершине славы был основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль и активно работали вдохновленные им Жан-Поль Сартр и Мартин Хайдеггер.

Конечно, Гуссерль не занимался непосредственно вопросами философии науки, его специальный интерес концентрировался вокруг проблемы аподиктичности знания [6]. Но любой внимательный читатель отметил бы, что концепция интенциональности сознания, которую он развивал, предлагала существенно более глубокую постановку вопроса о субъективности, чем привыкли экономисты. Вместо банальной дихотомии субъект-объект Гуссерль предлагал целостную концепцию феноменального мира, где богатство представления субъекта становилось адекватным тому уровню активности, который наблюдался в мире. Феноменология Гуссерля активно оппонировала позитивизму, доказывая, что мир, где действуют субъекты существенно сложнее и богаче мира бессознательного, что он предстает не только как сущая реальность, но и как открытое множество *возможных* реальностей, количество которых безгранично. Этой, если угодно мультимодальности, дополнения традиционной дихотомии сущего и должного модальностью *возможного* как раз очень не хватало экономистам, которые активно вводили в научный оборот такие стимулы как склонности, предпочтения, ожидания.

Победа концепции неоклассического синтеза осталась в истории нашей науки. Но дискуссия вокруг позитивистской самоидентификации *Economics* не утихает по сей день. Наш краткий экскурс в историю доказывает, что далеко не всегда экономисты были внимательны к достижениям и потенциалу философии.

Принимая все более глубокое взаимопроникновение позитивной и нормативной экономических теорий, мы можем и должны обратиться к достижениям неокантианства. Принимая необходимость исследования логики трансформации экономических систем нам никуда не деться от потенциала неогегельянства (неомарксизма) и переосмысления обвинений в историцизме. Реальность таких общностей как класс и нация заставят нас критически вернуться к понятию холизма. Принимая возрастающую роль субъективной активности в экономике, мультипликацию вариантности развития, роль и значение эффективной системы стимулов, мы обязаны погрузиться в философский потенциал феноменологии, которая, образно говоря, открывает нам *мир возможного* как самую не очевидную, но самую важную реальность в жизни человечества. Принимая перспективу деградации и исчерпания жизненного пространства для человечества, экономисты, наверное, должны обратить внимание и на экзистенциализм.

Таким образом, необходимость и потребность провести комплексную инвентаризацию философского наследия с позиций методологического обновления экономической теории представляется более чем настоятельной. Очень хотелось бы, чтобы экономисты перевернули страницу своей пагубной самонадеянности о превосходстве экономической теории в мире общественных наук и вновь, как век назад, провели бы радикальную философскую перезагрузку.

Список литературы

1. Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М.: Челябинск : Социум, 2017.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / М.: Культурная революция, 2018.
4. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 122–144.
5. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. Т. I–IV. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019.
6. Гуссерль Э. Идея феноменологии : Пять лекций. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия». 2018.
7. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
8. Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии. М.: Типография И.А. Баландина, 1899.

9. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1993.
10. Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2016.
11. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск : Социум, 2005.
12. Мур Дж.Э. Принципы этики. Москва : «Прогресс», 1984.
13. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / [под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
14. Ойкен В. Основные принципы экономической политики: пер. с нем. М.: «Прогресс», 1995.
15. Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. I.
16. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. I, II. Пер. с англ. М., «Прогресс», 1985.
17. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
18. Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
19. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS, 1993, вып. 1. С. 10–23.
20. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: «Прогресс». 1986.
21. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019.
22. Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993.
23. Федоров В.П. Общая теория стимулов: монография. М.: КНОРУС, 2021.
24. Философия экономики: Антология [Текст] / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012.
25. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / пер. с англ. под ред. В.С. Катькало, Н.П. Дроздовой. СПб: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.
26. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.
27. Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. Т. 3. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2001.
28. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
29. Цаголов Г.Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. №2. С. 39–51.
30. Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских экономистов: Сб. статей / под ред. В.Т. Рязанова, Л.Д. Широкограда, Чэнь Эньфу, Ли Синя. СПб.: Из-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
31. Chamberlin E. The Theory of Monopolistic Competition. Cambridge (Mass.), 1933.
32. Keynes J.M. A Treatise on Probability. London: Macmillan & Co, 1921.

33. Knight F. The Ethics of Competition and Other Essays. Chicago : University of Chicago Press, 1976.
34. McCloskey D. The rhetoric of economics / Journal of Economic Literature, 21. Reprinted in Caldwell. 1984.
35. Samuelson P.A. The Collected Scientific Papers of Paul Samuelson. Vol. 3. Cambridge (Mass).: The M.I.T.Press.
36. Senior W.N. An Introductory Lecture on Political Economy&London: Mawman, 1827.
37. Stirling J.H. The Secret of Hegel: Being the Hegelian System in Origin, Principle, Form and Matter. London: Longman, Green, 1865.
38. Ward B. What's Wrong With Economics? London: Macmillan, 1972.

Об авторе:

ФЕДОРОВ Валерий Петрович – доктор экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства. 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, valpetrfed@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9429-7367, Spin-код: 6953-9368

ECONOMIC THEORY AND PHILOSOPHY: THE NEED TO RESUME INTERDISCIPLINARY DIALOGUE

V.P. Fedorov

MGIMO (University), Moscow

The article considers the prospect of methodological updating of economic theory on the basis of a comprehensive inventory of historical dialogue between economists and philosophers, reconstruction of the philosophical foundations of economic doctrines and schools of economic thought. The author proposes to approach the renewal of economic theoretical knowledge in Russia from his philosophical grounds, believing that only in this case we will get a chance not to get into the "rut" of a secondary retelling of the discussions that have already aroused in the West, but, on the contrary, to propose an original concept with the hope of forming a new paradigm of economic theory, the need for which is strongly felt in the Russian Federation.

Keywords: *philosophy, methodology, phenomenology, modality, incentive.*

About the author:

FEDOROV Valerij Petrovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry. 3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, Moscow Region, 143007, e-mail: valpetrfed@gmail.com